

НАВСТРЕЧУ ВЫБОРАМ В МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

И люди другие и деревня не та...

О ПЕРЕМЕНАХ В СВОЕЙ ЖИЗНИ ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ РАССКАЗЫВАЮТ КРЕСТЬЯНЕ
ДЕРЕВНИ БЕРЕЗОВКА ИВНЯНСКОГО РАЙОНАВСПОМИНАЮТ
СТАРЕЙШИЕ:

Молодым этого не довелось испытать...

Березовским колхозникам Акимом Сергеевичем Горняновым, Константином Ивановичем Асеевым, Александром Порфирьевичем Захаровым и Григорием Фатеевичем Кобзевым — по 60—70 лет и больше. И каждый из них добрых полвека — всю свою единственную жизнь, начиная с детских лет, прожил в кабале у кулаков и помещиков. Ужасно и бесправия царской России, обремененность ее колхозный стариков.

Как мы жили? Земля — у кулаков, помещиков, у чужаков. А у нас — то, что оставалось пожухло, да и такой земли — по клочку, колоса подкашивать можно, если хлеб уродит. Тяжело делал — отведал тебе такую делянку, что дошла выпрячь негде, надо ее на чужую делянку ставить. У кулаков Нестеровых, Захаровых, Косухиных, Коневых одноклассники хлеба по году стелили, а у нас соломы на подстилку не было. Высыкаешь в поле, сам с женой — за работу, а делянку с ребенком к ослебле привязываешь. Вот так и жили. Нужда как псеблелась в наших дворах — еще у дедов, так и не уходила. Да это еще ладно, если муж и жена вместе работали, а то бабам приходилось больше одним с землей управляться. Хлеба нет, — это разве хлеб, если соберешь 10—15 пудов на семью в 8—10

человек? Значит, ранней весной занимаешь у кулака пятачку и вместе с другими горемыками — в дальнюю дорогу, в батраки. Мы больше в Крым уходили, к помещикам работали.

Надрывались на тяжелых работах, болели люди, умирали. Вот у Козьмы Горнянова три брата — Харитон, Афанасий и Петр. Лет до 25, до 30 только и дожили. Да, много гибли. И дома болели люди при голодной жизни, по селу то и дело ходили, гонимые или еще какая хворь. Лечить или еще какую хворь, лежать на нем некому было, кому-то нас бедно, ты, дело? Это не то, что теперь, тогда врач в деревне и в глаза не видели.

И вот, возвращаемся мы осенью из Крыма, с заработков. Как дела, хозяйка? А дела, известно, какие: детки встречают голые, оборванные, хлеба нет, хатенки у многих покосились, подпирать надо. Кушешь хлеба на то, что заработал, пожнешь дома полтора — два мешка, и опять хлеб к коню. Подтащешь пося потуги, хлеб, зная потерю на дороге и пошел в Троицк, на Украину — на сахарный завод или еще куда. А повернуло дело к несчастью — снова в Крым.

По 15, по 20 и 30 лет как в Крыму работали, каждый год. У кого подрастает сын — и его, подраста, туда же с собой везет. Работали и у своих кулаков. Здесь расчет тоже известный. Как-то Кон-

стантин Асеев чуть не целое лето у кулака Нестерова работал за то, что тот обещал ему шубу. Не дождался Асеев немного до срока — так и остался без шубы.

И у пона работали, был здесь такой «отец» Павел, тот же кулак, еще почтеннее. Как-то перевернул из младшего брата Аким Сергеевич Горнянов. Платил за венчанье отдал больше нечем, — ну и работал Аким за брата у пона целый год.

Они-то, кулаки, хорошо жили. Вот у Козьмы Горнянова сосед был кулак. Как придет, бывало, Константин из Крыма, кулак на другой день к нему: «Не принес ли сосед золотого? Обменяй мне на бумажные деньги. Тебе-то все равно, а мне золотые держать сохраннее, чем бумажные». У него, рассказывают, рублей 300 ни, колесских денег мыши погрызли, вот и искал золотых.

Жадные были до денег, как чапли и все было не хватало. Кулак Козьма, бывало, раскроет амбар, — у него там и сало, и масло, и мед, чего только не было. А нашим ребятишкам, что на него работали, горсти водки, нухов не даст. «Куш!» Пасли наши ребятишки у кулака Нестерова лошадей. И вот, надо им гнать

Вверху на снимке: тяжелая, горькая была жизнь в старой Березовке. О ней рассказывал председатель колхоза Г. А. Шатохин (в центре) и зятьевый Марин Асеев старший (справа). Внизу — колхозник Аким Сергеевич Горнянов.

кулацких коней из пона в ночное, так бабка кулака в это время, бывало, спрыскается, чтоб не давали пастухам еды, — так и уходили голые, — так и уходили голые.

Мы век в кабале жили — и ребятишки наши с этого жизнь начинали. Негромкая была деревня, темная. Школы только кулацкие сынки кончали, а наши холода, походили, наступил холода, обули-одеть нечего — так и бросают ученье.

Вот в этой беленькой хатке живет Татьяна Нестерова. Она — одна из лучших наших зыньевых, мастерица высоких урожаев. Вот это дом другой передовой зыньевой — Марии Спицыной. Там дальше живет один из лучших бригадиров нашего колхоза Михаил Черкашин. Это — дом другого бригадира, бывшего офицера Советской Армии Николая Стерлева. Вот кем теперь славно наше село, кто пользуется общим уважением, — передовые люди колхозного труда.

Новое, чего никогда не было и не могло быть в старой Березовке, теперь найдешь в каждой семье.

Александр Порфирьевич Захаров, наш сельский писемоснов, хорошо помнит горькую единую, личную жизнь. Думал ли он тогда, что его сыновья выйдут в люди? А теперь его сын Федор — офицер, Герой Советского Союза, другой сын, Григорий, тоже офицер.

Многие наши колхозники стали учителями: Мария Стерлева, Петр Силин, Григорий Стерлев и другие. Из села вышло около 15 учителей, врач, инженер, 13 офицеров Советской Армии. Новой, светлой жизнью живет наше село.

Я. СИЛИН, счетовод колхоза.

На новых улицах, в новых домах

Мы, березовцы, привыкли к большому дереву, которые и жили в нашем селе за годы советской власти, и многие уже перестали замечать.

А такой ли был до революции самый вид Березовки? Дешевые дома у пона, да у десятков кулаков, а остальные хаты — жалкие лачуги. Так было раньше.

Многие колхозники построили себе за время колхозной жизни новые дома. Семьям, жилища которых были разрушены в войну, новые избы построил колхоз с помощью государства. Село теперь украшают дома, которых не было в единичной деревне: школа, сельский клуб, дом сельского совета, медицинский пункт, правление колхоза, магазин сельпо, артельные хозяйственные постройки.

Теперь мы наметили построить на пустыре, где сейчас контора правления, два сарая, новый поселок. Здесь будут новые дома, правления, новый большой клуб, дальше — зернохранилища, колхозные мастерские, кирпичный завод. Здесь же поставим ветро-двигатель. За селом, у леса, думаем запрудить овраг, пустить сюда ручей. А на берегу пруда, у опушки леса, построим собственный колхозный дом отдыха.

Улицы села обсадили деревьями (уже назвали посадку). Наша Березовка будет счастливо выглядеть по новому.

Но разве дело только в нарядном виде села? Конечно, чудесные перемены произошли в самой нашей жизни, совсем другие стали отношения между людьми.

Вот в этой беленькой хатке живет Татьяна Нестерова. Она — одна из лучших наших зыньевых, мастерица высоких урожаев. Вот это дом другой передовой зыньевой — Марии Спицыной. Там дальше живет один из лучших бригадиров нашего колхоза Михаил Черкашин. Это — дом другого бригадира, бывшего офицера Советской Армии Николая Стерлева. Вот кем теперь славно наше село, кто пользуется общим уважением, — передовые люди колхозного труда.

Новое, чего никогда не было и не могло быть в старой Березовке, теперь найдешь в каждой семье.

Александр Порфирьевич Захаров, наш сельский писемоснов, хорошо помнит горькую единую, личную жизнь. Думал ли он тогда, что его сыновья выйдут в люди? А теперь его сын Федор — офицер, Герой Советского Союза, другой сын, Григорий, тоже офицер.

Многие наши колхозники стали учителями: Мария Стерлева, Петр Силин, Григорий Стерлев и другие. Из села вышло около 15 учителей, врач, инженер, 13 офицеров Советской Армии. Новой, светлой жизнью живет наше село.

Я. СИЛИН, счетовод колхоза.

Р а с т е м!

Г. ШАТОХИН, председатель колхоза «Новая жизнь», кандидат в депутаты областного Совета

Только вспоминаешь, тяжелое воспоминание осталось от старого, до революционного села Березовка с убогими, покосившимися хатками бедноты и забитой, нищенской, бесправной жизнью в этих лачугах, о которой рассказывают старики.

Совершенно новая жизнь пришла в Березовку с советской властью, с колхозным строем. Так и назвали наш березовский колхоз — «Новая жизнь».

Родная власть создала колхозу прочную основу — навечно закрепила за ним землю. Исполнилась вековая мечта бедноты и середняков.

1200 гектаров земли было до революции в единоличной Березовке на 145 дворов. Но из этой земли тысячи гектаров принадлежали полтора десяткам кулацких дворов, а остальные 200 гектаров — самая плохая земля — 130 беднякам и середнякам. На кулацкий двор приходилось в среднем около 70 гектаров земли (кроме того многие кулаки имели землю в других местах), а на бедняцкий и середняцкий — полтора гектара.

Теперь эти 1200 гектаров земли принадлежат колхозу.

Партия и правительство создали колхозникам все условия для того, чтобы они могли получать с этой земли обильные урожаи. Сохой возделывали свои поля кулаки бедняки и середняки, и мечтало о них о машинах. Да и что бы они делали с машиной на жалком клочке земли? А в колхозе почти три четверти всех сельскохозяйственных работ выполняли тракторы, комбайны и сложные машины. Ту землю, что остается за собой самому колхозу, мы засеваем конными селами.

Понятно, что урожай колхоза не идет ни в какое сравнение с урожаем единоличников. 3—4 центнера хлеба с десятины считалась до революции середняцкая семья. 15 центнеров зерновых в среднем на гектаре вырастает наш колхоз в нынешнем году, в трудных условиях. А до войны собирали и больше.

Многие бедняцкие семьи до революции имели не больше чем по полдесятине земли. Такая семья собирала всего десяток пудов хлеба. У нас же в колхозе, при 194 дворах, средний сбор хлеба на семью в нынешнем году составляет около 300 пудов.

На примере одной семьи преимуществ колхоза видны лучше всего. Возьмем семью колхозника Козьмы Сергеевича Горнянова. Он в лучшем случае собирал раньше со своей полдесятины 15 пудов хлеба — 2 пуда на члена семьи на год. В этом году Козьма Сергеевич получил на трудности 180 пудов хлеба — по 25 пудов на члена семьи.

До войны из того стада, что имел колхоз, в среднем на двор вышло 16 голов: 2 коровы, 2 свиньи и 12 овец. Да в личном хозяйстве Горнянова были корова с теленком, свинья и овцы. Все это также давало ему доход.

А если взять довоенное стадо колхоза и колхозников вместе, то в сравнении с тем стадом, что имели березовские бедняки и середняки до советской власти, оно увеличилось в восемь с половиной раз: вчетверо — по коровам, вдвое — по овцам и в 22 раза — по свиньям.

Сейчас у нас стадо меньше довоенного, но оно быстро растет. А во дворе у Горнянова уже немало меньше скота и птицы, чем было до войны.

Кто же все это ему дал? Колхоз. Долгие годы единоличной жизни выбивали из сил бедняк Козьма Горнянов, чтобы хоть свести концы с концами, — и не мог, хозяй-

Колхозникам уже выдано авансом по полтора килограмма зерна на трудноту. Константины Ивановичу Асееву, например, свезли почти две тонны хлеба, столько же, примерно, Стефану Павловичу Стерлеву и другим.

Одной дополнительной оплаты будет выдано 800 центнеров. Звено Марии Спицыной получит в дополнительную оплату 6 тонн хлеба, из них тонна зерна приходится на долю самой звеньевой, 7,5 центнера — колхознице Евдокиме Стерлевой и т. д. А всего Спицына на только на свои трудноту получит до 100 пудов зерна. Многие семьи колхозников будут обеспечены хлебом на два года.

Хороший урожай — это еще не все, чего мы достигли. Выполнен план развития животноводства. Колхозники вновь обзавелись коровами и птицей, теперь обзаводятся поросятами.

Хозяйство растет всеосторонне. Посадили в этом году сад, несколько сотен кустов смородины, завели огород и бахчу на 19 гектарах, пасеку, поставили рыбу в пруд.

Повторяю, высокий урожай выращен и все это сделано в первом году после засухи в трудных условиях. Возможности колхоза таковы, что, несмотря на большие послевоенные трудности, наше артельное хозяйство растет сейчас гораздо быстрее, чем до войны.

В самом деле. Такого урожая, какой получили мы нынче, до войны колхоз достиг только в 1937 году, на девятом году своего существования. А тогда на наших полях работало значительно больше машин МТС, в колхозе было несравненно больше тягла, рабочей силы.

Недавно мы у себя в правлении вновь просмотрели пятилетний план колхоза, который был составлен в начале прошлого года. Нашу пятилетку придется пересоставлять, потому что многое, что мы тогда наметили на ее последние годы, уже сделано или будет сделано в будущем году.

Все это говорит, что быстрое, довоенного благополучия колхоз достигнет в гораздо более короткий срок, чем предполагалось бы раньше. Заключают уже на пороге у колхозников.

Что помогло нам достигнуть таких успехов? Можно рассказать о том, как мы в колхозе поднимали производительность труда, как вели индивидуальную ответственность, правильно платили за работу звеньев — по урожаю, и этим еще больше заинтересовали колхозников в труде.

Но это — только детали. Главное — большая помощь государства колхозу, неустанная забота партии и родной советской власти о колхозниках. Эта отеческая забота помогла нашему колхозу быстро оправиться после войны, поддержала колхозников в засуху, помогает нам идти к новым и новым успехам. Но есть и еще одна большая сила, которая выросла и накопилась за годы советской власти и коллективизации и которая особенно ярко сказалась в борьбе с послевоенными трудностями. Это — новое отношение большинства колхозников к труду, к общественному хозяйству, к долгу перед государством, воспитанное партией, сталинским колхозным строем. Это — соревнование, которое уже становится законом колхозной жизни.

Это — высокая производительность труда, она значительно выше довоенной. Лучшее всего это новую выростную силу показывает нынешний год, год настоящего трудового героизма колхозников. И мы с большой надеждой смотрим в завтрашний день колхоза.

КТО ТЕПЕРЬ ЗНАТЕН

«Знатными» фигурами до Октябрьской революции в селе Березовка были поныне урядники да местные кулаки. Конечно, были в Березовке и талантливые люди и чудесные труженики. Но кто знал о них, кому до них было дело?

Мы видим теперь деревню Березовку иной, колхозной. Иные и люди в ней, люди, рожденные советской властью, выращенные колхозным строем, воспитанные нашей партией. Нет для них выше счастья, как работа об общем благе, о благе Родины и трудящихся.

Старая деревня исчезла. Кто теперь вожаки в Березовке, кто теперь знатны? Десятки людей, известных всему району и области выросли в этом селе.

В прошлом году, после тяжелой немецкой оккупации, уничтожившей нажитое общим трудом до войны богатство колхоза «Новая жизнь», была страшная засуха. Напрасно люди с надеждой всматривались в каждое начинавшее темнеть облачко. Оно, казалось, высыхало в палец зноя, как высушила каждая быдлина. Нужно было поднять, воодушевить людей на борьбу со стихией. Кто же пошел за собой людей села?

Повел их коммунист Георгий Шатохин, прибывший по путевке райкомом. Стало известно — помощь от Сталина идет. Георгий Шатохин, вместе с ним бригадир коммунист Михаил Черкашин, члены правления Иван Кобзев, зыньевый Татьяна Нестерова и Мария Спицына спланировали людей и работы в колхозе не прекращались ни на один день.

Помощь действительно вскоре пришла — и такая, на какую многие в колхозе и не надеялись. Вскот за продовольственным зерном привезли фураж для скота, семена.

Затем в чистотный отдал, что

работал в колхозе, — и как раз во время, к взмету зыбей, — пришел новенький гусеничный трактор.

— Также от Сталина, — заговорили в колхозе. — Из тех, что прислали нашей области.

В те дни в колхозе началось то, о чем раньше здесь говорили, что «еще никогда, в самое лучшее время так не работали».

Мы с колхозным активом, вспоминает Шатохин, — сделали тогда около 15 докладов — на общеколхозном собрании, в бригадах, и звеньях. — о сталинской помощи и о том, чем колхозникам на нее ответить. Горячо откликнулся народ на каждое наше слово агитации. «Сила не показале — товарища Сталина отблагодарили», — возмужавало говорили колхозники.

Посеяли озимые, всадили зыбь в такой срок, из которого трудно было рассчитывать. Весь колхоз поднялся в поход за новым урожаем. Колхозники его тот же коммунист Георгий Шатохин. Но этому предшествовало такое событие.

Райком отозвал Шатохина. А вслед за ним в райком пришло письмо из колхоза: колхозники просили отпустить Шатохина к ним председателем, как «настоящего руководителя».

Георгий Андреевич Шатохин, демобилизованный офицер Советской Армии, стал председателем колхоза «Новая жизнь».

Славен труд в нашей стране! Высоко несут Родина людей труда, отдающих силы общественному делу. В тот же трудный год, когда Шатохин вел колхоз на преодоление засухи, только колхозники из бригады Михаила Черкашина на себе, в мешках, вынесли почти 60 пудов каждой удобной для подкормки посевов. Во время севы Федор Беретинцев днем и ночью подвозил зерно к селя-

кам, а сельские Василий Силин, просясь смеши, не уходил с тракторного агрегата, пока не были засеяны все 234 гектара. И, этим героям труда, не уступали десятки других колхозников, хотя было очень и очень трудно — на людей сказывались лишения, припесенные засухой.

В один из тех дней зыньевый Татьяна Нестерова участвовала в общественной экскурсии звеньевых на поля передового колхоза им. Чкалова. Она авала гостей к себе.

— Увидите, что наши хлеба и свежее не хуже будут!

Во время уборки на колхозной Доске почета и в «боевых листках» красовались многие имена. Но кто славнее из самых передовых? — Степан Желябовский или та же неутомимая Татьяна Нестерова, — об этом возникали горячие споры. Нога Степан Желябовский прочитал в газете о трудовом подвиге разлитского косара Ивана Лазарева, то вышел в поле и косил по 1,20—1,30 гектара высокой и густой ржи в день.

По Желябовский — мужчина, опытный косарь. Другое дело — Татьяна Нестерова, девушка, недавно впервые вышедшая в руки косу. А она косила по 70 соток и больше в день.

Старики вспоминают: до революции, как ни трудись, а уважения к себе не от кого ожидать. Каждый тинул свою ляжку.

Колхоз принес зажиточную жизнь всем, кто трудится честно. Проявлялись не только в своем селе, но и за пределами его так люди, как бригадир Михаил Черкашин, Федор Спицын, комсомолец Василий Пойминов. Самыми почетными людьми стали такие

герои труда, как зыньевый Татьяна Нестерова, Зинаида Нестерова, собравшие самый высокий урожай. С уважением говорят в селе о таких людях, как яровая колхозница Екатерина Поляева, колхозник Степан Желябовский и многие другие.

Дружной семьей собрались березовцы, чтобы выполнить свой гражданский долг, свое право, предоставленное Сталинской Конституцией — выдвинуть кандидатов в депутаты областного, районного и сельского Советов депутатов трудящихся.

Наше слово, — говорили березовцы, — послать в областной Совет Георгия Андреевича Шатохина, нашего вожака. Народный интерес для него дороже жизни, а нам и нужен такой депутат.

Кандидатуру Георгия Шатохина поддержали и в других селах. Колхозники выдвинули его и в районный Совет.

Выдвигали поздние кандидаты в Березовский сельский Совет, выдвигали самых достойных. И в списке кандидатов сельского Совета мы видим их — зыньевую Татьяну Нестерову и ее подругу звеньевую Зинаиду Нестерову, бригадир Марии Спицыной и Пойминова, колхозницу Екатерину Поляеву и участницу Ольгу Кобзеву.

Это — совершенно новые люди, которых не знала и не могла знать старая деревня. Им доверяет народ. И нет ничего выше для советского человека этого доверия этого признание!

И. ПЕТРОВ.

Крепка колхозная сила

Расцвела наша колхозная Березовка перед войной. Старую, единоличную жизнь стали уже забывать. Буда делась прежние березовские батраки и бедняки! В каждую зиму пришел достаток. Ведь некоторые семьи, где больше трудоспособных, получали по 300—400 пудов хлеба.

В хатах стало чисто — цветы, занавески на окнах, появилась городская мебель. Далеко ушли мы от прежней черной избы с рогатиной-пращкой у опушки, с пылью и копотью.

Молодежь приобщается к празднику — не отличилась от городской. Стали обзаводиться велосипедками. Вечером в выходной день собираются, бывало, в клубы — там спектакли, музыка, танцы.

Наша жизнь все больше походила на городскую. На полях — машины. В колхозе постоянно, каждый год работали 5 тракторов, 2 комбайна, молотили хлеб только сложными молотилками, свои конные молотилки за ненадобностью пропали. На три четверти все работы за нас выполняла МТС: машины пахали, сеяли, убирали, молотили, возили хлеб.

Мы имели богатые фермы: 120 голов крупного рогатого скота, 200 свиней, полторы тысячи овец, много птицы.

Поставили новые хорошие животноводческие постройки, аэрохранилища, просошники, кирпичный завод.

Хорошая пришла жизнь, такая, что единоличникам и во сне не снилась. Буда бы мы ушли, если бы не война!

Большая у нас вера в свои силы. И в будущем году надемся мы добиться новых успехов.

Г. НЕСТЕРОВ, член правления колхоза.

Отстроились погорельцы!

Нагрянула в Березовку в военные годы такая беда, какую в старой деревне редко бы кто и вынес.

Старики рассказывают, да и я на своем веку видел, каким страшным бедствием были раньше, в старое время, пожар. Помощи погорельцам было неоткуда. Кто мог работать, уходил после этого на долгие годы в батраки, а нет — так по-миру, нищенствовать.

И вот, во время боев на Курской дуге у нас в Березовке было сожжено и разрушено три десятка хат.

Но не пришлось нашим погорельцам бедствовать, — не тот стал порядок и не те люди при советской власти. Пострадавшие пришли на помощь и государство, и колхоз, хотя и был он только что восстановлен. Государство дало средства, лес, колхоз выдала плотников, тягло для подрезки материалов, отпустила соломы для крыш.

Уже в следующем 1944 году большинство погорельцев поселилось в новых хатах, а в 1945 году не осталось ни одного беспритного. И сами пострадавшие от ничего не стояло, — хаты были построены на труду, выделенные в помощь им другими колхозниками. Бывало, что хозяйства работали в поле и не знают, что плотники начали строить их хату. Солодники Ольга Митрофановна Нестерова, Евдоким Васильевич Силин, старуха Евдоким Стефановна Спицына и еще кое-кто долгие годы жили в старых хатах, а теперь вошли в новые хорошие дома.

И на этом примере березовцы снова и снова увидели, что значит колхозный строй и советская власть.

А. НАСИНОВ, колхозник.